

От политики к жизни: избавляя анархию от левацких жерновов

Волфи Ландштрайхер

2009

С тех пор как анархизм впервые был определён как отдельное радикальное движение, он ассоциировался с левыми, но эта ассоциация всегда была непростой. Левые, занимавшие властные позиции (в том числе и те, кто называл себя анархистами, как, например, лидеры CNT и FAI в Испании в 1936-37-х годах), находили анархистскую цель полного преобразования жизни и вытекающий из неё принцип, что цели уже должны существовать в средствах борьбы, помехой для своих политических программ. Настоящее восстание всегда прорывается далеко за пределы любой политической программы, и наиболее последовательные анархисты видели осуществление своей мечты именно в этом неведомом запредельном месте. И все же раз за разом, когда огонь восстания остывал (а иногда, как в Испании в 1936-37-х годах, когда он ещё ярко горел), ведущие анархисты вновь занимали своё место «совести левых». Но если экспансивность анархистских мечтаний и вытекающих из них принципов была помехой для политических схем левых, то эти схемы были гораздо большим жерновом на шее анархистского движения, отягощая его «реализмом», который не умеет мечтать.

Для левых социальная борьба против эксплуатации и угнетения — это, по сути, политическая программа, которая должна быть реализована любыми целесообразными средствами. Такая концепция, очевидно, требует политической методологии борьбы, а такая методология неизбежно противоречит некоторым базовым анархистским принципам. Прежде всего, политика как отдельная категория социального бытия — это отделение решений, определяющих нашу жизнь, от исполнения этих решений. Это разделение происходит в институтах, которые принимают и навязывают эти решения. Неважно, насколько демократичны или консенсусны эти институты; разделение и институционализация, присущие политике, всегда являются навязыванием просто потому, что требуют принятия решений до того, как возникнут обстоятельства, к которым они применяются. Это заставляет их принимать форму общих правил, которые всегда должны применяться в определённых ситуациях, независимо от конкретных обстоятельств. Здесь заложены семена идеологического мышления — когда идеи управляют деятельностью индивидов, а не служат им

в разработке их собственных проектов, — но об этом я расскажу позже. Не менее важным с анархистской точки зрения является тот факт, что власть находится в этих институтах, принимающих решения и обеспечивающих их исполнение. И левая концепция социальной борьбы как раз и заключается в том, чтобы повлиять на эти институты, захватить их или создать альтернативные версии. Другими словами, это борьба за изменение, а не за разрушение институционализированных властных отношений.

Эта концепция борьбы, с её программной основой, требует организации как средства для осуществления борьбы. Организация представляет борьбу, потому что она является конкретным выражением её программы. Если участники определяют эту программу как революционную и анархическую, то организация становится для них представителем революции и анархии, а сила организации приравнивается к силе революционной и анархической борьбы. Яркий пример тому — испанская революция, когда руководство CNT, вдохновив рабочих и крестьян Каталонии на экспроприацию средств производства (а также оружия, с помощью которого они формировали свои свободные отряды), не распустило организацию и не позволило рабочим заняться воссозданием социальной жизни на собственных условиях, а взяло на себя управление производством. Эта путаница между управлением со стороны профсоюза и самоуправлением рабочих привела к результатам, которые могут быть изучены всеми, кто готов критически взглянуть на эти события. Когда борьба с правящим порядком отделяется от индивидов, осуществляющих её, и передаётся в руки организации, она перестаёт быть самоопределяющимся проектом этих индивидов и вместо этого становится внешней причиной, которой они придерживаются. Поскольку эта причина приравнивается к организации, основной деятельностью тех, кто её придерживается, становится поддержание и расширение организации.

По сути, левая организация — это средство, с помощью которого левые намерены трансформировать институционализированные властные отношения. Будет ли это сделано через обращение к нынешним правителям и реализацию демократических прав, через электоральный или насильственный захват государственной власти, через институциональную экспроприацию средств производства или через комбинацию этих средств, не имеет большого значения. Для этого организация пытается превратить себя в альтернативную власть или контрвласть. Для этого она должна принять современную идеологию власти, то есть демократию. Демократия — это система разделённого и институционализированного принятия решений, которая предполагает достижение общественного консенсуса в отношении выдвигаемых программ. Хотя власть всегда основана на принуждении, в демократических рамках она оправдана через согласие, которое она может завоевать. Именно поэтому левым необходимо искать как можно больше приверженцев, цифр для подсчёта в поддержку своих программ. Таким образом, в своей приверженности демократии левые должны принять количественную иллюзию.

Попытка завоевать приверженцев требует обращения к наименьшему общему знаменателю. Поэтому вместо того, чтобы вести жизненно важные теоретические изыскания, левые разрабатывают набор упрощённых доктрин, через которые можно смотреть на мир, и перечисляют моральные преступления, совершенные нынешними правителями, которые, как надеются левые, будут иметь массовую популярность.

Любое сомнение или исследование вне этих идеологических рамок яростно осуждается или воспринимается с непониманием. Неспособность к серьёзным теоретическим изысканиям — это плата за принятие количественной иллюзии, согласно которой количество приверженцев, независимо от их пассивности и невежества, считается отражением сильного движения, а не качество и согласованность идей и практики.

Политическая необходимость апеллировать к «массам» также заставляет левых использовать метод предъявления фрагментарных требований к нынешним правителям. Этот метод, конечно, вполне соответствует проекту трансформации властных отношений, именно потому, что он не бросает вызов этим отношениям в их корне. Фактически, выдвигая требования к власти имущим, он подразумевает, что для реализации левой программы достаточно простой (хотя, возможно, и экстремальной) корректировки существующих отношений. Что не ставится под вопрос в этом методе, так это сам правящий порядок, поскольку это угрожало бы политическим рамкам левых.

В этом поэтапном подходе к изменениям заложена доктрина прогрессивизма (на самом деле, один из самых популярных ярлыков среди левых и либералов — которые предпочли бы оставить эти другие порочные ярлыки — это именно «прогрессивный»). Прогрессивизм — это идея о том, что существующий порядок вещей является результатом непрерывного (хотя, возможно, и «диалектического») процесса улучшения и что если мы приложим усилия (будь то голосование, петиции, судебные процессы, гражданское неповиновение, политическое насилие или даже завоевание власти — что угодно, кроме её уничтожения), мы сможем продвинуть этот процесс дальше. Концепция прогресса и поэтапный подход, который является её практическим выражением, указывают на ещё один количественный аспект левацкой концепции социальных преобразований. Эта трансформация — просто вопрос градусов, положения человека на постоянной траектории. Нужное количество корректировок приведёт нас «туда» (где бы это «туда» ни было). Реформа и революция — это просто разные уровни одной и той же деятельности. Таковы абсурды левачества, которое остаётся слепой к подавляющему доказательству того, что единственная траектория, по которой мы движемся, по крайней мере с момента возникновения капитализма и индустриализма, — это растущее обнищание существования, и это невозможно реформировать.

Кусочный подход и политическая потребность в категоризации также заставляют левых оценивать людей с точки зрения их принадлежности к различным угнетённым и эксплуатируемым группам, таким как «рабочие», «женщины», «цветные», «геи и лесбиянки» и так далее. Такая категоризация лежит в основе политики идентичности. Политика идентичности — это особая форма ложной оппозиции, в которой угнетённые люди предпочитают отождествлять себя с определённой социальной категорией, через которую усиливается их угнетение, как предполагаемый акт протеста против своего угнетения. На самом деле, продолжающаяся идентификация с этой социальной ролью ограничивает способность тех, кто практикует политику идентичности, глубоко анализировать своё положение в этом обществе и действовать как личности против своего угнетения. Таким образом, это гарантирует продолжение социальных отношений, которые являются причиной их угнетения. Но только как члены категорий эти люди полезны в качестве пешек в политических манёврах

левых, поскольку такие социальные категории играют роль групп давления и блоков власти в демократических рамках.

Политическая логика левых, с её организационными требованиями, демократией и количественными иллюзиями, а также с её оценкой людей как простых членов социальных категорий, по своей сути коллективистская, подавляющая личность как таковую. Это выражается в призывах к индивидуумам принести себя в жертву различным делам, программам и организациям левых. За этими призывами стоят манипулятивные идеологии коллективной идентичности, коллективной ответственности и коллективной вины. На индивидов, которые определяются как часть «привилегированной» группы — «натуралы», «белые», «мужчины», «первый мир», «средний класс» — возлагается ответственность за все притеснения, приписываемые этой группе. Затем ими манипулируют, заставляя действовать, чтобы искупить эти «преступления», оказывая некритическую поддержку движениям тех, кто угнетён больше, чем они сами. Людями, которые определяются как часть угнетённой группы, манипулируют, чтобы заставить их принять коллективную идентичность в этой группе из обязательной «солидарности» — «сестринство», чёрный национализм, квир-идентичность и т.д. Если они отвергают или даже глубоко и радикально критикуют эту групповую идентичность, это приравнивается к признанию их собственного угнетения. Фактически, индивид, который самостоятельно (или только с теми, с кем у него установилась настоящая близость) выступает против своего угнетения и эксплуатации, как он переживает их в своей жизни, обвиняется в «буржуазном индивидуализме», несмотря на то, что он борется именно против отчуждения, разделения и атомизации, которые являются неотъемлемым результатом коллективной отчуждённой социальной деятельности, навязанной нам государством и капиталом — так называемым «буржуазным обществом».

Поскольку левизна — это активное восприятие социальной борьбы как политической программы, она идеологизирована сверху донизу. Борьба левых не вырастает из желаний, потребностей и мечтаний живых людей, эксплуатируемых, угнетаемых, доминирующих и лишённых собственности этим обществом. Это не деятельность людей, стремящихся переделать свою собственную жизнь и ищущих необходимые для этого инструменты. Это скорее программа, сформулированная в умах левых лидеров или на организационных собраниях, которая существует над и до индивидуальной борьбы людей и которой эти люди должны подчиняться. Каким бы ни был лозунг этой программы — социализм, коммунизм, анархизм, братство, африканский народ, права животных, освобождение земли, примитивизм, самоуправление рабочих и т.д. и т.п. — она не предоставляет индивидам инструментов для использования в их собственной борьбе против господства, а скорее требует от них обменять господство правящего порядка на господство левацкой программы. Другими словами, она требует, чтобы люди продолжали отказываться от своей способности определять собственное существование.

В своём лучшем проявлении анархистское стремление всегда заключалось в тотальном преобразовании бытия на основе повторного присвоения жизни каждым человеком, действующим в свободной ассоциации с другими людьми по своему выбору. Это видение можно найти в самых поэтичных трудах почти всех известных анархистов, и именно оно сделало анархизм «совестью левых». Но что толку быть

совестью движения, которое не разделяет и не может разделять широту и глубину ваших мечтаний, если вы хотите эти мечты осуществить? В истории анархистского движения те перспективы и практики, которые ближе всего к левым, такие как анархо-синдикализм и платформизм, всегда имели гораздо меньше мечты и гораздо больше программы. Теперь, когда левизна перестала быть значимой силой, хоть как-то отличимой от остальной политической сферы, по крайней мере, на Западе мира, нет никаких причин продолжать носить этот жернов на шее. Осуществление анархистских мечтаний, мечтаний каждого человека, который ещё способен мечтать и желать самостоятельно быть автономным творцом своего существования, требует сознательного и жёсткого разрыва с левыми. Как минимум, этот разрыв должен означать:

1. Отказ от политического восприятия социальной борьбы; признание того, что революционная борьба — это не программа, а борьба за индивидуальное и социальное переприсвоение всей полноты жизни. Как таковая она по своей сути антиполитична. Другими словами, она противостоит любой форме социальной организации — и любому методу борьбы, — в которой решения о том, как жить и бороться, отделены от исполнения этих решений, независимо от того, насколько демократичным и партисипативным может быть этот отделённый процесс принятия решений.

2. Отказ от организационизма, что означает отказ от идеи, что любая организация может представлять эксплуатируемых индивидов или группы, социальную борьбу, революцию или анархию. Следовательно, и отказ от всех формальных организаций — партий, союзов, федераций и им подобных, — которые в силу своей программной природы берут на себя такую представительскую роль. Это не означает отказа от способности организовывать конкретную деятельность, необходимую для революционной борьбы, но скорее отказ от подчинения организации задач и проектов формализму организационной программы. Единственная задача, которая, как было доказано, требует формальной организации, — это разработка и поддержание формальной организации.

3. Отказ от демократии и количественной иллюзии. Отказ от мнения, что количество приверженцев дела, идеи или программы определяет силу борьбы, а не качественную ценность практики борьбы как атаки против институтов господства и как повторного присвоения жизни. Отказ от любой институционализации или формализации принятия решений, а также от любой концепции принятия решений как момента, оторванного от жизни и практики. Отказ от евангелистского метода, который стремится завоевать массы. Такой метод предполагает, что теоретическим изысканиям пришел конец, что у кого-то есть ответ, которого должны придерживаться все, и что поэтому любой метод приемлем для донесения идеи, даже если он противоречит тому, что мы говорим. Это приводит к тому, что человек ищет последователей, принимающих его позицию, а не соратников и соучастников, с которыми можно продолжать свои исследования. Практика вместо того, чтобы стремиться осуществлять свои проекты, насколько это возможно, в соответствии со своими идеями, мечтами и желаниями, тем самым привлекая потенциальных соучастников, с которыми можно развивать отношения близости и расширять практику бунта.

4. Отказ от предъявления требований к власти имущим, выбор практики прямого действия и нападения. Отказ от идеи, что мы можем реализовать наше стремле-

ние к самоопределению через частичные требования, которые, в лучшем случае, предлагают лишь временное смягчение пагубности социального порядка капитала. Признание необходимости атаковать это общество во всей его совокупности, добиваться практического и теоретического осознания в каждой частичной борьбе той совокупности, которая должна быть уничтожена. А значит, и способность увидеть в частичной социальной борьбе то, что потенциально революционно — то, что вышло за рамки логики требований и частичных изменений, — поскольку, в конце концов, каждый радикальный, мятежный разрыв был вызван борьбой, которая начиналась как попытка добиться частичных требований, но на практике перешла от требований к захвату того, что было желаемо, и даже больше.

5. Отказ от идеи прогресса, от идеи, что нынешний порядок вещей — это результат непрерывного процесса совершенствования, который мы можем продвинуть дальше, возможно, даже до его апофеоза, если приложим усилия. Признание того, что нынешняя траектория, которую правители и их верная реформистская и «революционная» оппозиция называют «прогрессом», по своей сути вредна для индивидуальной свободы, свободных ассоциаций, здоровых человеческих отношений, всего живого и самой планеты. Признание того, что для достижения полной автономии и свободы необходимо положить конец этой траектории и разработать новые способы жизни и отношений. (Это не обязательно ведёт к абсолютному отказу от технологий и цивилизации, и такой отказ не является нижней границей разрыва с левыми, но отказ от прогресса, безусловно, означает готовность серьёзно и критически изучать и подвергать сомнению цивилизацию и технологии, и особенно индустриализм. Те, кто не готов поднимать такие вопросы, скорее всего, продолжают придерживаться мифа о прогрессе).

6. Отказ от политики идентичности. Признание того, что, хотя различные угнетённые группы переживают своё лишение собственности специфическими для их угнетения способами и анализ этих особенностей необходим для полного понимания того, как функционирует господство, тем не менее, лишение собственности — это, по сути, кража способности каждого из нас как личности создавать свою жизнь на своих собственных условиях в свободной ассоциации с другими. Переприсвоение жизни на социальном уровне, равно как и её полное переприсвоение на индивидуальном уровне, может произойти только тогда, когда мы перестанем идентифицировать себя в основном в терминах наших социальных идентичностей.

7. Отказ от коллективизма, от подчинения индивида группе. Отказ от идеологии коллективной ответственности (отказ, который не означает отказа от социального или классового анализа, но скорее устраняет моральное осуждение из такого анализа и отказывается от опасной практики обвинения отдельных людей в действиях, совершенных от имени или приписываемых социальной категории, частью которой они, как утверждается, являются, но в отношении которой у них нет выбора — например, «еврей», «цыган», «мужчина», «белый» и т. д.). Отказ от идеи, что любой человек, либо в силу «привилегий», либо в силу предполагаемой принадлежности к определённой угнетённой группе, обязан некритически солидаризироваться с любой борьбой или движением, и признание того, что такая концепция является основным препятствием для любого серьёзного революционного процесса. Создание коллективных проектов и мероприятий для удовлетворения потребностей и желаний отдельных

людей, а не наоборот. Признание того, что фундаментальное отчуждение, навязываемое капиталом, основано не на какой-либо гипер-индивидуалистической идеологии, которую он может пропагандировать, а скорее проистекает из навязываемого им коллективного проекта производства, который экспроприирует наши индивидуальные творческие способности для достижения своих целей. Признание освобождения каждого человека, чтобы он мог определять условия своего существования в свободной ассоциации с другими людьми по своему выбору — т.е. индивидуальное и социальное переприсвоение жизни — в качестве главной цели революции.

8. Отказ от идеологии, то есть отказ от любой программы, идеи, абстракции, идеала или теории, которые ставятся над жизнью и людьми как конструкция, которой нужно служить. Отказ от Бога, государства, нации, расы и т.д., а также от анархизма, примитивизма, коммунизма, свободы, разума, личности и т.д., когда они становятся идеалами, которым человек должен жертвовать собой, своими желаниями, стремлениями, мечтами. Использование идей, теоретического анализа и способности рассуждать и мыслить абстрактно и критически как инструментов для реализации своих целей, для переприсвоения жизни и действия против всего, что стоит на пути этого переприсвоения. Отказ от лёгких ответов, которые служат слепым пятном в попытках исследовать реальность, с которой сталкиваешься, в пользу постоянного вопрошания и теоретического исследования.

Как мне кажется, именно это и составляет настоящий разрыв с левыми. Там, где отсутствует хотя бы одно из этих отвержений — будь то в теории или на практике — остаются пережитки левачества, и это мешает нашему проекту освобождения. Поскольку этот разрыв с левыми основан на необходимости освободить практику анархии из рамок политики, он, конечно, не является объятием правых или любой другой части политического спектра. Это скорее признание того, что борьба за преобразование всей жизни, борьба за возвращение каждой из наших жизней в качестве нашей собственной в коллективном движении за индивидуальную реализацию, может быть только затруднена политическими программами, «революционными» организациями и идеологическими конструкциями, которые требуют нашего служения, потому что они, как государство и капитал, тоже требуют, чтобы мы отдали им наши жизни, а не взяли наши жизни в качестве наших собственных. Наши мечты слишком велики для узких рамок политических схем. Нам давно пора оставить левых позади и продолжить свой весёлый путь к неизвестности восстания и создания полноценных и самоопределяющихся жизней.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Волфи Ландштрайхер
От политики к жизни: избавляя анархию от левацких жерновов
2009

Скопировано 12.07.2025 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=3703>
Перевод с английского: <https://theanarchistlibrary.org/library/wolfi-landstreicher-from-politics-to-life-ridding-anarchy-of-the-leftist-millstone>

ru.anarchistlibraries.net